

DOI 10.22394/1818-4049-2019-88-3-81-91
УДК 314.7(571.621)

С. А. Соловченко
И. В. Калинина
С. Н. Мищук

Восприятие мигрантов принимающим сообществом сельской местности Еврейской автономной области¹

В статье анализируется отношение сельских жителей приграничных территорий Еврейской автономной области (далее – ЕАО) к мигрантам из стран СНГ и Китая как на основе материалов официальной статистики, так и на основе социологических данных, собранных авторами. Полученные при анализе данных результаты позволяют сделать вывод, что в связи с многонациональностью области, историей ее образования и развития у населения приграничных сел ЕАО наблюдается очень высокий уровень терпимости к мигрантам, в том числе иноэтничным. Необходимо отметить и то, что некоторые оценки, высказываемые населением, являются скорее социальными мифами и не отражают текущей ситуации с мигрантами. Делается вывод о том, что в сельской местности ЕАО мигранты не становятся объектами пристального внимания. Отношение общества к приезжим в значительной степени доброжелательное.

Ключевые слова: Еврейская автономная область, приграничные территории, иноэтническая миграция, отношение к мигрантам, социальные мифы.

Актуальность. Современный мир стирает границы для населения, желающего сменить место жительства. В результате глобализации страны сталкиваются с мигрантами и последствиями их приезда на свою территорию. Миграция имеет как положительные, так и отрицательные стороны для принимающей стороны: к положительным можно отнести прирост населения трудоспособного возраста, к отрицательным – привнесение чуждой культуры на территорию и изменение собственной и многое другое (Т. А. Титова, А. В. Лубский, А. А. Сериков, Т. Г. Стефаненко, Т. Н. Юдина,

Ж. А. Зайончковская и пр.). Для территории выхода в качестве примера положительного явления можно привести денежные переводы от мигрантов, а отрицательного – снижение количества трудоспособного населения, «утечку мозгов».

В Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) на протяжении последних десятилетий естественная убыль и миграционный отток вносят свой вклад в снижение численности населения. Решение данной проблемы возможно как за счет увеличения естественного прироста населения, что является маловероятным

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-32-01100-ОГН.

Соловченко Сергей Александрович – канд. социол. наук, научный сотрудник, ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (679016, Россия, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4). E-mail: solovchenkov@yandex.ru

Калинина Ирина Владимировна – канд. геогр. наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (679016, Россия, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4). E-mail: gaevaiiv@yandex.ru

Мищук Светлана Николаевна – канд. экон. наук, заведующий лабораторией, ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (679016, Россия, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4). E-mail: svetamic79@mail.ru

при продолжающемся снижении уровня жизни населения, так и за счет привлечения мигрантов для постоянного проживания или для выполнения отдельных задач. Большую значимость приобретает миграция для сельской местности в силу высокой социально-экономической значимости данного типа территорий.

Тема мигрантов и их жизнедеятельности на Дальнем Востоке России нашла свое отражение в работах многих авторов [Дудин, 2016; Ларин, 2014; Комарова, Мищук, 2016; Мотрич, 2010; Сидоркина, 2007]. Значительная часть этих исследований основана на анализе статистических данных, что раскрывает объективную картину, понимание которой важно для демографии, экономики, географии. Целью нашей статьи является изучение субъективной стороны вопроса, то есть выявление реакции принимающего сообщества сельской местности ЕАО на приток мигрантов.

Объектом исследования выступает сельская местность приграничной территории ЕАО, предметом – отношение сельского населения к мигрантам, приезжающим временно или для постоянного проживания.

В основу статьи легли данные социологических исследований по темам: «Возможности использования неформальной и нестандартной занятости сельского населения для развития сельской местности Еврейской автономной области», выполненного в рамках гранта губернатора ЕАО, руководитель – канд. геогр. наук И. В. Калинина; «Трансформация сельской местности в результате реализации инвестиционных проектов на юге Дальнего Востока (на примере Еврейской автономной области)», выполненного в рамках гранта РФФИ № 17-32-01100-ОГН, руководитель – канд. экон. наук С. Н. Мищук, и данные официальной статистики². При построении выборки в исследованиях использовался принцип многоступенчатого отбора.

В каждом из пяти районов области отбирались населенные пункты разной

людности (один крупный, один мелкий), типичные для данных районов. Далее строилась квотная выборка, репрезентативная по полу и возрасту. Объем выборки $n_1=382$, $n_2=389$. Точность выборки составляет – 95%, доверительный интервал – 5%. Опрос в обоих исследованиях проводился маршрутным способом с шагом два, из одного домохозяйства опрашивался один представитель старше 18 лет.

Результаты исследования и их об-суждение. ЕАО – субъект Дальневосточного региона, площадью 36,3 тыс. кв. км. Располагается в средней части Амура, граничит с Амурской областью и Хабаровским краем, а по побережью Амура с Китаем, причем все пять районов области являются приграничными. После распада СССР область, как и другие дальневосточные регионы, стала терять население как по естественным, так и по механическим причинам. С 1990-х гг. в области положительный естественный прирост сменился на отрицательный: 8,3 на 1000 чел. населения в 1990 г. и -1,6 на 1000 чел. населения в 2017 г.² В результате миграции в это же время область потеряла более 35 тыс. человек. Причем около 10% выехало в Израиль и Германию как этнические евреи [Комарова, Мищук, 2016. С. 71–80].

Национальный состав ЕАО в целом аналогичен составу других дальневосточных регионов, за исключением достаточно высокой доли населения титульной еврейской национальности: 90,7% – русские, 2,8% – украинцы, 0,9% – евреи, 0,5% – татары, 0,4% – белорусы, 0,3% – молдаване и 4,4% – другие национальности (перепись населения 2010 г.). В последние годы растет количество выходцев из бывших среднеазиатских республик и Китая [Комарова, Мищук, 2016]².

Приграничные территории в большей степени, чем внутренние, зависят от колебаний численности населения. Активизация жизнедеятельности населения в приграничной полосе влияет положительно не только локально, но и в целом на страну, так как при взаимодействии сопредельных государств развиваются

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.; Численность и миграция населения Российской Федерации. Стат. бюллетень. М.: Госкомстат России, 1993–2003 гг. 2004 г.; Численность и размещение населения Еврейской автономной области. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат.бюл./ Еврстат. – Биробиджан, 2012. 34 с.; Статистический бюллетень. Естественное движение населения еврейской автономной области за 2017 год. Биробиджан. 2018 г.

трансграничные территории. Однако подобный эффект может отмечаться не у всех стран-участников. Ярким примером может служить приграничная полоса провинции Хэйлунцзян Китая и сопредельная с ней российская территория, например ЕАО [Kalinina, Komarova, 2013].

В зависимости от преобладающего направления перемещения населения – международного или внутрироссийского – С. Н. Мищук были выделены два периода развития миграции в ЕАО (Комарова, Мищук, 2016). В период 1992 – 2002 гг. преобладало международное направление миграционного оттока. Основные страны, принимающие эмигрирующее население – Израиль и Германия. Как следует из работ Т. М. Комаровой и С. Н. Мищука, после 2003 г. отток населения из области продолжался, но направление было уже внутрироссийское. Так, дальневосточники предпочитают обосновываться в более развитых субъектах Дальнего Востока (Хабаровский, Приморский края, Амурская область), либо вовсе покидают дальневосточные территории. При этом для ЕАО были характерны максимально интенсивные миграционные связи с Хабаровским краем в сравнении с другими дальневосточными регионами.

Снижение численности населения отмечается и среди сельского населения области, которое только с 2000 г. сократилось почти на 18%, в том числе в связи с отрицательным миграционным балансом, характеризующимся увеличением показателей с 82,6 до 223,9 чел. на 10 тыс. населения [Калинина, Соловченков, 2018].

По мнению некоторых авторов, одной из основных причин отрицательной миграционной динамики является крайне низкий темп социально-экономического развития области по сравнению с другими субъектами ДФО, что находит свое отражение в достаточно серьезном усилении миграционного оттока с 2007 г. [Комарова, Мищук, 2016].

В последние годы ЕАО находится в аутсайдерах среди регионов ДФО: на втором месте по коэффициенту младенческой смертности, на первом месте по показателям уровня безработицы и общему коэффициенту смертности населения. В этом регионе минимальные среднедушевые денежные доходы и средний

размер назначенных пенсий. Уровень общей безработицы в 2016 г. по области составил 7,4% при в среднем по округу 5,8%, по России – 5,4%. С 2012 г. область занимала лидирующие позиции среди регионов ДФО, а в 2016 г. область находилась на шестом месте в России (вместе с Карачаево-Черкесской Республикой) по численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения – 24,8% [Регионы России, 2017]. Таким образом, миграционный отток местного населения, особенно в последние годы, в значительной мере обусловлен сохранением и усугублением негативных процессов в социально-экономической сфере ЕАО [Комарова, Мищук, 2016].

Немаловажным негативным фактором выступает и недостаточно благоприятная экологическая обстановка в ЕАО. Так, согласно исследованиям В. Б. Калмановой, многие дальневосточные городские и пригородные территории характеризуются неблагоприятной экологической обстановкой. Этому есть ряд причин. Во-первых, нерациональное строительство промышленных предприятий (вредные промышленные предприятия размещались без учета господствующих ветров, особенностей орографии, климатических и микроклиматических изменений); во-вторых, развитие промышленных зон на городской и пригородной территории усугубило конфликт между планировочной структурой и сложным рельефом, нарушило связи между функциональными элементами населенных пунктов. Все это привело не только к функционально-планировочным, но и к серьезным социальным проблемам, когда жители предпочитают определенные города, районы городов или даже отдельные кварталы, стараясь покинуть другие. Следствием таких миграций становится крайне неравномерное развитие как отдельного города, так и региона в целом (Калманова, 2016. С. 37–43; ; Калманова, 2016. С. 66–69).

Наряду с этим в области отмечается достаточно интенсивная иммиграция. Причем на протяжении последних лет до 90% прибывших мигрантов в ЕАО составляли жители ДФО, преимущественно Хабаровского края [Комарова, Мищук, 2016]. Оставшаяся незначительная доля

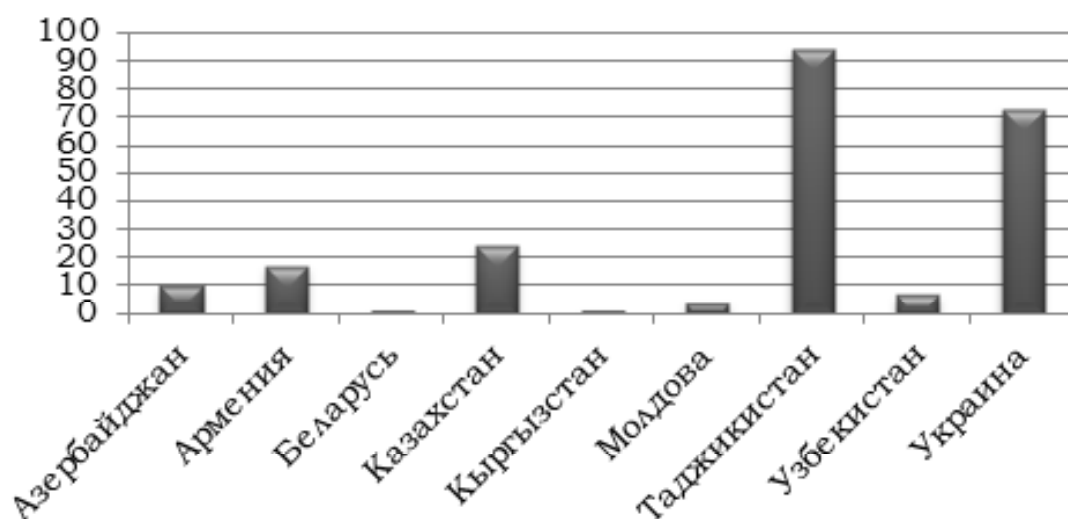

Рис. 1. Распределение мигрантов по стране выбытия в 2017 г., чел.

приходится на международную иммиграцию. Стоит отметить, что подавляющая часть иностранных иммигрантов – это выходцы из стран СНГ. В 2012 г. на данную группу стран пришлось 68% от общего числа прибывших международных мигрантов, в 2014 г. – 80%, 2017 г. – 92%. Максимальное число иммигрантов прибывает из Таджикистана, Украины, Казахстана и Армении (рис. 1) [Комарова, Мищук, 2016].

Одним из значимых явлений в миграционных процессах ЕАО является привлечение иностранной рабочей силы. ЕАО входит в тройку лидеров по количеству оформляемых разрешений на работу. Так, в 2014 г. из общей массы выданных разрешений на работу 15% были оформлены в ЕАО. Среди визовых мигрантов в области лидируют граждане Китая, доля которых составляет более 90% от общего числа привлеченных трудовых мигрантов [Комарова, Мищук, 2016].

Трудовые мигранты из Китая преимущественно заняты в сельском и лесном хозяйстве, а также строительстве и промышленности. В свою очередь мигранты из государств-участников СНГ заняты в основном в сфере услуг, торговле и общественном питании.

Некоторые изменения законодательства в 2015 г. повлекли за собой более чем двукратное сокращение числа разрешений на использование труда иностранных граждан в сравнении с предыдущим годом. В абсолютных величинах в области сократилось число мигрантов в лесозаготовке и лесопереработке в 3,4

раза в сравнении с данными 2014 г., в строительстве – в 4,8 раза, производстве – в 1,8 раза. В сельском хозяйстве число разрешений практически не изменилось и составило 46% от общего числа разрешений, выданных в 2015 г. (в 2014 г. доля разрешений в данной отрасли составила 21%) [Комарова, Мищук, 2016].

Распределение по территории области китайских трудовых мигрантов напрямую связано с отраслевой структурой их занятости. Если до 2014 г. включительно наиболее активно мигранты привлекались в строительство, лесозаготовку и лесопереработку, то позже, вплоть до настоящего времени, преобладает сельское хозяйство. Китайские трудовые мигранты зарегистрированы во всех муниципальных образованиях ЕАО, но максимальная их доля отмечается в районах, имеющих сельскохозяйственную специализацию экономики: Ленинский и Октябрьский районы, а также Смирновский район (здесь используют труд мигрантов не только в сельском хозяйстве, но и в производственной сфере). Безусловно, существенная доля мигрантов работает в г. Биробиджане. В Облученском районе трудовые мигранты заняты в лесозаготовительной отрасли. Распределение же мигрантов из стран СНГ, прибывших на постоянное место жительства в область, выглядит следующим образом (табл. 1). Основными территориями, где закрепляются приезжие, являются г. Биробиджан и Облученский район. В редких случаях мигранты селятся в пригороде областного центра на

Таблица 1

Распределение прибывших по районам прибытия, чел.

	Азербайджан	Армения	Белоруссия	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Таджикистан	Узбекистан	Украина
Смидовичский район	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Октябрьский район	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Облученский район	5	16	1	17	0	1	16	0	34
Ленинский район	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Биробиджанский район	0	0	0	0	0	0	5	0	1
г. Биробиджан	5	1	0	7	1	3	73	7	38

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования³

территории Биробиджанского района.

Даже при столь незначительных объемах этнической эмиграции, она вызывает достаточно заметный отклик в принимающей среде. Это связано с тем, что мигранты достаточно часто привносят с собой некоторые национальные традиции, которые неизбежно притягивают внимание (празднование национальных праздников, ношение национальной одежды, манера воспитания подрастающего поколения, речь и др.). Как следствие, наблюдается некоторая акцентуация общества на этнических мигрантах. Это может выражаться в формировании отрицательного отношения к отдельным национальностям, даже при условии отсутствия прямых контактов. Как следует из работ С. В. Кутовой, подобная ситуация имеет место в ЕАО по отношению к ряду национальностей, среди которых наибольший негатив высказывается в сторону китайцев, азербайджанцев и таджиков [Кутовая, 2016].

Однако, помимо сугубо субъективных факторов, формирующих отношение к мигрантам, существует и ряд объективных моментов, которые могут влиять на отношение к приезжим. Так, одним из обязательных фоновых факторов роста преступности на отдельно взятой территории выступает именно миграция [Комарова, Мищук, 2016]. И как при-

чина повышающейся преступности (или мифа о преступности) – «... принимающему сообществу миграция может подарить очаги социальной напряженности в местах... концентрации иностранных мигрантов, локальные вспышки этнических конфликтов, рост ксенофобии, политического радикализма и экстремизма» [Старченков, 1997].

Все вышесказанное подводит нас к тому, что необходимость отслеживания общественного мнения о мигрантах вообще и об иноэтничных мигрантах, в частности, не утрачивает своего значения. Тем не менее анализ статистических данных и других научных источников позволяет нам сказать, что ситуацию с мигрантами, а тем более с иноэтничными мигрантами в сельской местности, особенно в приграничных селах ЕАО, нельзя назвать критичной. Как такового притока мигрантов в приграничные сельские населенные пункты нет. Тем не менее некоторое общественное мнение и о присутствии мигрантов в населенных пунктах, и об их влиянии на жизнь местного населения сложилось.

Первые несколько противоречивые данные мы получили, изучая вопрос о том, насколько много в населенных пунктах выходцев из стран СНГ (табл. 2). Около 19% (18,3 ответивших «не знаю» и 0,5 ответ дать не смогли) респондентов

³ Социологическое исследование по теме: «Возможности использования неформальной и нестандартной занятости сельского населения для развития сельской местности Еврейской автономной области» ИКАРП ДВО РАН, 2017г. (n=382 жителя Еврейской АО в возрасте старше 18 лет), точность выборки составляет – 95%, доверительный интервал – 5%. Выборка репрезентативна по территории проживания респондентов, полу и возрасту. Опрос проведен в 5 муниципальных районах области. Руководитель – канд. геогр. наук И. В. Калинина

не смогли дать ответа на этот вопрос. Для них эта тема не является сколько-нибудь интересной, и на ней внимание они не акцентировали. Чуть более 25% опрошенных однозначно указали, что в их населенных пунктах иноэтничных мигрантов из стран СНГ нет. Результат сам по себе достаточно странный особенно в свете следующего ответа.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Есть ли в вашем населенном
пункте приезжие из стран СНГ»**

	%
Да, много	13,6
Немного	42,4
Их нет	25,1
Не знаю	18,3

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования³

О том, что иноэтничные выходцы из стран СНГ есть, но их совсем немного, говорят более 42% опрошенных. Предварительный анализ статистических данных позволяет нам сказать, что опрошенные, давшие именно этот ответ, ближе всего к истинной картине. Тогда возникает вопрос, почему почти четверть населения утверждает, что мигрантов нет? Мы предполагаем, что подобная ситуация может быть результатом, во-первых, традиционно многонационального состава населения ЕАО и, как следствие, низкого уровня неприятия «иных»; во-вторых, достаточно большой скорости адаптации (врастания) мигрантов в принимающее общество, не создающее барьеров на пути «иной-свой».

Самым малочисленным (13,6%) ответом интервьюируемых был «да, много». На наш взгляд, подобный ответ может быть вызван несколькими причинами. Либо это попытка гиперболизировать проблему, вызванная какими-то личными мотивами, либо это последствия укоренения социальных мифов о заселении Дальнего Востока приезжими и их негативном влиянии на общество. Еще одним из возможных вариантов получения подобного результата может быть достаточно ограниченное количество районов (и соответственно населенных пунктов), в которых предпочитают размещаться иноэтничные

мигранты – Биробиджанский и Облученский районы и г. Биробиджан. Таким образом, можно предположить, что полученные проценты – это ответы, данные жителями этих районов. Однако, как показывает анализ, наибольшее количество подобных ответов было получено в Ленинском и Смидовичском районах, т. е. там, куда иноэтничные мигранты из стран СНГ массово не приезжали уже много лет. Так, при рассмотрении структуры иммигрантов в ЕАО по группам стран их происхождения (страны ближнего или дальнего зарубежья) длительное время отмечалось преобладание доли стран СНГ. В 2012 г., например, на данную группу стран пришлось 68% от общего числа прибывших международных мигрантов, а в 2013 г. – 78%. Максимальное число иммигрантов прибывало из Таджикистана, Армении, Украины [Комарова, Мишук, 2016]. Следовательно, полученные результаты имеют под собой иные, не связанные с оценкой реальной миграции, причины.

Очень схожие результаты мы получаем при ответе респондентов на вопрос «Есть ли в вашем населенном пункте приезжие из стран Дальнего зарубежья?» (табл. 3). Как и с первым вопросом, часть респондентов (14%) либо не может ответить на этот вопрос, либо отвечает «не знаю». Схожая ситуация и с долей ответивших (40%), что приезжих из стран дальнего зарубежья немного. Оставшиеся два кардинально противоположных ответа имеют несколько отличное процентное распределение, которое, правда, достаточно легко объяснимо. Около 27% опрошенных (вдвое больше, чем в первом случае) утверждают, что приезжих из дальнего зарубежья, а это преимущественно китайские трудовые мигранты, много.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Есть ли в вашем населенном пункте приезжие из стран дальнего зарубежья?»**

	%
Да, много	26,7
Немного	39,8
Их нет	19,4
Не знаю	13,1

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования³

На подобный результат могли повлиять несколько факторов. Во-первых, китайские рабочие всегда достаточно обозначены и хорошо заметны в населенном пункте. И там, где не всегда обратишь внимание на привычную среднеазиатскую внешность прохожего, китайская внешность обращает на себя внимание. Во-вторых, приезжие китайские рабочие в значительной степени действительно размещаются в приграничных селах и занимаются сельским хозяйством, что приводит к их некоторой концентрации именно на территории проведения нашего опроса. И, в-третьих, подобный процент ответов, носящих несколько негативный окрас, может быть следствием существующего в обществе напряжения и неприятия китайских фермеров и сельскохозяйственных рабочих. Хотя в данном случае стоит оговориться, что отношение к китайским мигрантам в ЕАО очень сильно разнится в зависимости от территории проведения опроса [Соловченков, Калинина 2017].

Чуть меньший (19%), чем в первом случае процент ответов о том, что мигрантов из дальнего зарубежья в их населенных пунктах нет, так же достаточно легко объясним. В некоторых сельских населенных пунктах, в которых проводился опрос, китайских фермеров и сельскохозяйственных рабочих действительно нет. Но такая ситуация встречается достаточно редко.

Ключевыми вопросами, ответы на которые нам хотелось получить в процессе опроса, были вопросы отношения как к самим мигрантам, так и к последствиям их деятельности (табл. 4, 5).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Как вы можете оценить отношения местных жителей с приезжими?»

	%
Нормальные	39,3
Конфликтные	2,1
Нет отношений, не соприкасаемся	40,8
Трудно сказать	6,3

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования³

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как влияет приезд мигрантов на жизнь вашего поселка?»

	%
Скорее положительно	6,8
Скорее отрицательно	10,5
Ощутимого влияния не заметно	58,6
Затрудняюсь	11,5

Источник: составлено авторами по данным социологического исследования³

Как следует из представленной информации, подавляющая часть опрошенного населения, а это около 80%, не соприкасается с приезжими или относится к ним спокойно. И даже 18% затруднившихся с ответом, мы скорее склонны интерпретировать как положительный результат, свидетельствующий об отсутствии широко обсуждаемых межэтнических конфликтов.

Особо стоит отметить как положительное явление тот факт, что о конфликтных отношениях с приезжими говорят только 2% опрошенных. И даже эти указанные 2% – скорее эпизодические явления в силу того, что они достаточно четко локализируются в пространстве. Анализируя отдельные зафиксированные случаи конфликтов между приезжими и местным населением, стоит отметить, что подобные ответы мы встречаем только в четырех сельских населенных пунктах. Это села Степное, Бабстово, Дежнево и Луговое [Соловченков, Калинина, 2017]. Причем большую часть ответов о конфликтных отношениях с приезжими мы получили в селе Степное. На наш взгляд, это связано с тем, что достаточно активный способ ведения сельского хозяйства китайскими гражданами вступил в некоторое противоречие с традиционными способами ведения домашнего хозяйства местными жителями. Так, китайские фермеры используют поля в округе села, при этом местным жителям негде пасти скот и заготавливать сено. Если же скотина попадает на поля к китайцам, те могут покалечить или даже задавить трактором. Местное население отмечает

и то, что китайцы относятся с пренебрежением к русским по причине того, что у последних плохая техника, разбитые дороги, плохие удобрения. В Смидовичском районе в с. Белгородском отношение к китайцам положительное (на улицах бегает ребятина, рожденная от смешанных браков, русские работают на полях и довольны) [Калинина, Соловченков, 2018]. В данном случае мы в который раз находим подтверждение положительных последствий многонациональной структуры населения в ЕАО, выражающихся в достаточно спокойном и толерантном отношении к иноэтничным мигрантам.

Последним, на наш взгляд, достаточно интересным вопросом, который нам хотелось бы рассмотреть, является оценка местными жителями степени влияния мигрантов на развитие их населенного пункта (табл. 5). Менее 20% респондентов отметили, что приезжие оказывают влияние на развитие населенного пункта. Из них большая часть (10,5%) все-таки отметили негативное влияние. Сложно ответить, насколько объективно данное суждение. Реальных предпосылок и факторов, которые указывали бы на то, что приезд мигрантов из стран СНГ или Китая действительно негативно влияет на развитие населенных пунктов области, у нас нет. Более того, опираясь на полученные нами результаты опроса и отдельные источники [Соловченков, Калинина, 2017], можно сделать вывод о практически полном отсутствии конфликтных ситуаций с приезжими. Таким образом, мы видим достаточно интересную картину: пока вопрос касается персонального отношения респондента к иноэтничному мигранту – мы видим достаточно спокойные ответы с положительными оценками. Но как только вопрос затрагивает некое абстрактное понятие, в данном случае – влияние иноэтничного мигранта на развитие территории, часть оценок приобретает негативную окраску. Мы предполагаем, что в данном случае, негативность ответа скорее продиктована социальными мифами о вреде мигрантов. И хотя широкого распространения данный социальный миф не получил (о чем говорит не слишком высокий процент негативных ответов), в обществе он

существует.

Еще меньший процент (6,8%) показывает явно положительную оценку влияния приезжих на развитие населенных пунктов. Подавляющая часть опрошенных не смогла дать ни положительной ни отрицательной оценки влияния приезжих на развитие населенных пунктов области.

Заключение. Таким образом, несмотря на то, что в области отмечаются достаточно активные миграционные процессы, динамика численности населения области остается отрицательной в связи с естественной и миграционной убылью. Снижение естественного прироста и миграционного потока влияет на численность и людность населенных пунктов, а сложная социально-экономическая ситуация усугубляет данное положение.

Анализ ответов респондентов, проживающих на принимающих территориях, где оседают выходцы из стран СНГ, показал, что данная категория приезжих не имеет намерений заниматься сельским хозяйством. Однако они стремятся получить российское гражданство. Китайские же переселенцы зачастую не имеют намерений принимать гражданство принимающей страны, соответственно, и отношение у них к сельскохозяйственным угодьям только как к средству получения прибыли. Следовательно, оказывать существенное влияние на развитие приграничных территорий области, специализирующихся именно на сельскохозяйственном производстве, мигранты в настоящее время не могут.

Необходимо отметить две точки зрения о китайских трудовых мигрантах: сугубо положительную и резко отрицательную. Обе они вызывают наибольший эмоциональный отклик у местного населения при разговорах о мигрантах, однако в целом значительная часть общества в вопросах взаимоотношения с приезжими полностью инертна.

Подытоживая, можно сказать, что в связи с многонациональностью области, историей ее образования и развития у населения приграничных сел ЕАО наблюдается очень высокий уровень терпимости к мигрантам, в том числе иноэтничным.

Список литературы:

1. Ващук А. С., Ермак Г. Г. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 117–124.
2. Воробьева О. Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2. С. 35–40.
3. Дудин М. Н. Современные аспекты социально-демографической ситуации в дальневосточных регионах России // Региональная экономика: теория и практика. 2016. Т. 14. Вып. 11. С. 160–169.
4. Калинина И. В., Соловченков С. А. Проблемы развития нестандартной занятости в сельской местности Еврейской автономной области // Известия РАН. Серия географическая, 2018, № 4. С. 31–44.
5. Калинина И. В., Соловченков С. А. Нестандартная занятость в сельской местности Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 1. С. 46–54.
6. Калманова В. Б. Эколого-гигиеническое состояние городов юга Дальнего Востока как следствие освоения региона // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 2. С. 37–43.
7. Калманова В. Б. Эколого-функциональное зонирование урбанизированных территорий (на примере г. Биробиджана) // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 4. С. 66–69.
8. Комарова Т. М., Мищук С. Н. Влияние миграции на безопасность принимающей территории (на примере Дальневосточного региона) // Региональные проблемы. 2017. Т. 20, №4. С. 108–114.
9. Комарова Т. М., Мищук С. Н. Демографические процессы в Еврейской автономной области на фоне социально-экономических изменений: итоги 25 лет // Новые векторы миграции на Евразийском пространстве. Серия: Демография. Социология. Экономика. 2016. Т. 2, № 1. С. 71–80.
10. Кутовая С. В. Факторы формирования отношения принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам в Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2016. Т.19, №4. С. 125–130.
11. Ларин В. А. Тихоокеанская Россия в российско-китайских отношениях: затянувшееся ожидание прорыва // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 5–21.
12. Латкин А. П., Кузьмина С. В. Трудовая миграция из КНР в российское Приморье: основные предпосылки и новые подходы к регулированию // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 12. С. 61.
13. Мотрич Е. А. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья // Пространственная экономика. 2010. № 2.
14. Сидоркина З. И. Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2007. 42 с.
15. Соловченков С. А., Калинина И. В. Село приграничного региона: проблемы и социальные настроения // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 123–128.
16. Старченков Г. И. Трудовые миграции между востоком и Западом: вторая половина XX столетия. М., 1997. 150 с.
17. Kalinina I. V., Komarova T. M. Settlement Pattern and Sociodemographic Security of Jewish Autonomous Oblast // Regional Research of Russia, 2013, vol. 3, no. 4, pp. 337–345.

Библиографическое описание статьи

Соловченков С. А., Калинина И. В., Мищук С. Н. Восприятие мигрантов принимающим сообществом сельской местности Еврейской автономной области // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 81–91. DOI 10.22394/1818-4049-2019-88-3-81-91

Sergey A. Solovchenkov – Candidate of Sociology, researcher, the Institute of complex analysis of regional problems of the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences (4, Sholom-Aleikhem St., Birobidzhan, 679016, the Jewish autonomous region, Russian Federation). *E-mail: solovchenkov@yandex.ru*

Irina V. Kalinina – Candidate of geographical sciences, senior researcher, the Institute of complex analysis of regional problems of the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences (4, Sholom-Aleikhem St., Birobidzhan, 679016, the Jewish autonomous region, Russian Federation). *E-mail: gaevaiv@yandex.ru*

Svetlana N. Mishchuk – Candidate of Economics, Head of laboratory, the Institute of complex analysis of regional problems of the Far-Eastern branch of the Russian Academy of Sciences (4, Sholom-Aleikhem St., Birobidzhan, 679016, the Jewish autonomous region, Russian Federation). *E-mail: svetamic79@mail.ru*

Perception of migrants by the hosting community of agriculture of the Jewish autonomous region

On the basis of sociological materials, the article analyzes the attitude of rural residents of border areas of the Jewish autonomous region (JAR) to the migrants from the CIS countries and China. The article uses the materials from both official statistics and sociological data collected by the authors. The method of questionnaire was used, the sample was formed as a multistage quota. The results obtained as a result of an analysis of official statistical and sociological data suggest that due to the multi-nationality of the region, the history of its building and development, the population of the border villages of the Jewish autonomous region has a very high tolerance level for migrants, including foreign ones. It should be noted that part of the estimates expressed by the population are rather social myths, rather than a real assessment of the current situation with migrants. It is concluded that in rural areas of the Jewish autonomous region migrants do not become thy objects of close attention. The attitude of the society to the visitors is largely benevolent.

Ключевые слова: the Jewish autonomous region, border areas, foreign ethnic migration, attitudes towards migrants, social myths.

References:

1. Vashchuk A. S., Ermak G. G. Host community and labor migrants in the Russian Far East: an interdisciplinary analysis of the historical situation of the beginning of the 21st century *Regional'nyye problemy* [Regional issues], 2016, vol. 19, no. 4, pp. 117–124. (In Russian).
2. Vorobyova O. D. Labor market and migration of the population of the Far East *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of the population of the regions of Russia], 2017, no. 2, pp. 35–40. (In Russian).
3. Dudin M. N. Modern aspects of the socio-demographic situation in the Far Eastern regions of Russia *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: theory and practice], 2016, vol. 14, vol. 11, pp. 160–169. (In Russian).
4. Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Problems of the development of precarious work in rural areas of the Jewish Autonomous Region *Izvestiya RAN* [Izvestiya RAN. Geographical Series], 2018, no. 4, pp. 31–44. (In Russian).
5. Kalinina IV, Solovchenkov SA Non-standard employment in rural areas of the Jewish Autonomous Region *Regional'nyye problemy* [Regional problems], 2017, vol. 20, no. 1, pp. 46–54. (In Russian).
6. Kalmanova V. B. Ecological and hygienic condition of cities in the south of the Far East as a consequence of the development of the region *Regional'nyye problemy* [Regional problems], 2015, vol. 18, no. 2, pp. 37–43. (In Russian).
7. Kalmanova V. B. Ecological and functional zoning of urbanized territories (on the example of the city of Birobidzhan) *Regional'nyye problemy* [Regional problems], 2015, vol. 18, no. 4, pp. 66–69. (In Russian).
8. Komarova T. M., Mishchuk S. N. Influence of migration on the security of the host

territory (on the example of the Far Eastern region) *Regional'nyye problemy* [Regional problems], 2017, vol. 20, no. 4, pp. 108–114. (In Russian).

9. Komarova T. M., Mishchuk S. N. Demographic processes in the Jewish Autonomous Region against the backdrop of socio-economic changes: 25 years *Novyye vektory migratsii na Yevraziyskom prostranstve. Seriya: Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika*. [New vectors of migration in the Eurasian space. Series: Demography. Sociology. Economy], 2016, vol. 2, no. 1, pp. 71–80. (In Russian).

10. Kutovaya S. V. Factors in the formation of the attitude of the host community towards foreign ethnic migrants in the Jewish Autonomous Region *Regional'nyye problemy* [Regional Problems], 2016, vol. 19, no. 4, pp. 125–130. (In Russian).

11. Larin V. L. Pacific Russia in Russian-Chinese relations: the protracted expectation of a breakthrough *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific], 2014, no. 3, pp. 5–21. (In Russian).

12. Latkin A. P., Kuzmina S. V. Labor migration from China to Russian Primorye: basic prerequisites and new approaches to

regulation *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Management of economic systems: electronic scientific journal], 2014, no. 12, p. 61. (In Russian).

13. Motrich E. L. Transformation of migration ties of the Russian Far East with the countries of the near and far abroad *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2010, no. 2. (In Russian).

14. Sidorkina Z. I. Immigration in the demographic development of the Far East. Vladivostok: Dalnauka, 2007. 42 p. (In Russian).

15. Solovchenkov S. A., Kalinina I. V. The village of the border region: problems and social moods *Regional'nyye problemy* [Regional problems], 2017, vol. 20, no. 4, pp. 123–128. (In Russian).

16. Starchenkov G. I. Labor migrations between East and West: the second half of the XX century. M., 1997, 150 p. (In Russian).

17. Kalinina I. V., Komarova T. M. Settlement Pattern and Sociodemographic Security of Jewish Autonomous Oblast *Regional Research of Russia* [Regional Research of Russia], 2013, vol. 3, no. 4, pp. 337–345.

Reference to the article

Solovchenkov S. A., Kalinina I. V., Mishchuk S. N. Perception of migrants by the hosting community of agriculture of the Jewish autonomous region // Power and Administration in the East of Russia. 2019. No. 3 (88). Pp. 81–91. DOI 10.22394/1818-4049-2019-88-3-81-91
